

DOI: 10.15372/HSS20190214
УДК: 94 (571) "1928/1937"

В.И. ИСАЕВ

ФОРМЫ И КАНАЛЫ СНАБЖЕНИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ ТОВАРАМИ ПОВСЕДНЕВНОГО СПРОСА В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК (1928–1937 гг.)

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье рассмотрены проблемы обеспечения городского населения Сибири товарами повседневного пользования в условиях введения карточной системы. Показаны особенности организации снабжения городского населения через систему нормированного и закрытого распределения товаров, возможности приобретения товаров в свободной торговле. Представлена структура розничного товарооборота торговой сети в городах Сибири. Сделан вывод о том, что уровень жизни населения в условиях тотального дефицита товаров повседневного спроса находился на стадии минимального удовлетворения основных жизненных потребностей.

Ключевые слова: Сибирь, городское население, уровень жизни, товары повседневного пользования, система снабжения, нормированное распределение, карточная система.

V. I. ISAEV

FORMS AND CHANNELS TO SUPPLY THE URBAN POPULATION OF SIBERIA WITH EVERYDAY GOODS DURING THE FIRST FIVE-YEAR PERIODS (1928–1937)

Institute of History SB RAS,
8 Nikolaev St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The New Economic Policy failure and transition to accelerated formation of the socialism radically changed not only the Soviet society's political and economic sphere, but the daily life of people as well. The concentration of financial and other resources to implement forced industrialization, eliminate market mechanisms in the economy, including the population provision, led to a total shortage of everyday goods.

Against this background, serious interruptions in supplying the urban population with food, first of all bread, and other goods, took place in Siberian cities, as well as throughout the country. The channels and structure of providing the population changed radically. The private trade which provided between a third and a half of consumer goods in the 1920s was eliminated in the early 1930s. The relationship between the cooperative and state trade changed dramatically in favor of the latter. Introducing the card system, realizing goods through the distributors of enterprises and institutions meant that an average citizen could no longer provide himself.

The structure of retail turnover and consumer budgets in Siberian cities indicated that the population acquired mainly foodstuffs, where bakery products occupied the leading place. Thus, during the first five-year plans, the problems of meeting everyday needs became a difficult task for the population. In general, the people life quality and standards were sacrificed for implementing accelerated industrialization.

Key words: Siberia, urban population, living standard, everyday goods, supply system, normalized distribution, rationing system.

В жизни городского населения Сибири в годы первых пятилеток одной из главных забот повседневного существования являлась проблема обеспечения про-

дуктами питания и промышленными товарами бытового пользования. Глава городской семьи должен был на производстве обеспечить финансовую сторону ее мате-

Исаев Виктор Иванович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории СО РАН, профессор Новосибирского военного института им. генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии России, e-mail: history49@mail.ru.

Viktor I. Isaev – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor at the Novosibirsk Military Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of National Guard Troops of Russian Federation.

риального благополучия, а в сфере быта на жену-кормиллицу возлагалась не менее сложная задача – купить все, что нужно для каждодневного или длительного потребления членов семьи. В статье мы попытаемся рассмотреть условия и способы решения этой задачи в городах Сибири в годы первых пятилеток.

Уровень материального благосостояния населения в советское время, в том числе и проблемы снабжения, относился к числу тех проблем, которые должны были демонстрировать преимущества социализма. Однако в реальных условиях постоянного дефицита товаров и низкого уровня жизни в большинстве исторических работ авторы вынуждены были ограничиваться пропагандистской риторикой. Лишь в немногих научных работах встречались робкие попытки рассмотреть материальные трудности, выпавшие на долю советского народа в годы первых пятилеток, которые в конечном итоге тоже сводились к воспеванию успехов в решении этих проблем [1; 2].

В отличие от советских авторов зарубежные ученые подчеркивали, что строительство социализма в 1920–1930-е гг. сопровождалось резким падением уровня жизни населения, но из-за отсутствия необходимых источников подробного анализа они дать не могли [3; 4; 5; 6; 7].

Только в постсоветской литературе стали появляться серьезные аналитические исследования, посвященные материальным проблемам существования советских людей в годы первых пятилеток, однако тема эта до сих пор исследована очень слабо [8; 9; 10; 11; 12].

В статье рассмотрены происходившие в годы первых пятилеток изменения в сфере снабжения городского населения Сибири. Источниками для изучения поставленных вопросов являются архивные материалы, в основном извлеченные из фондов ГАНО, а также опубликованные источники и литература по теме.

К началу первой пятилетки проблемы обеспечения населения городов Сибири товарами повседневного спроса решались на основе рыночной нэповской экономики, в которой значительную долю товаров предоставляла частная и кооперативная торговля. Например, жители столицы Сибирского края Новосибирска в 1927 г. приобретали в частной торговле 54,4 % продуктов, 23,7 % бакалейных товаров, 18,9 % промышленных товаров. В целом около трети рознич-

ного товарооборота в городе обеспечивалось за счет частной торговли¹.

Однако покупку товаров в пунктах частной торговли многие семьи не могли себе позволить, потому что цены у частника были значительно выше, чем в государственной и кооперативной торговле. По данным сибирской статистики, в 1930 г. хлеб у частника стоил в 8 раз дороже, чем в государственной торговле, молоко и яйца – в 2,5 раза, мясо и овощи – примерно в 2 раза².

Частная торговля рассматривалась правившей партией большевиков как наследие капитализма и в перспективе подлежала уничтожению. В противовес частнику поощрялось развитие кооперативной торговли, которая рассматривалась как переходная форма к социалистической организации снабжения. Основная масса работающих горожан была вовлечена в общества потребительской кооперации. Рабочие и служащие имели возможность, заплатив небольшой вступительный и годовой взносы, получить членский билет одного из отделений потребительской кооперации. Это давало определенные преимущества при покупке товаров. Если товара не хватало на всех желающих, то его продавали только членам потребительских кооперативов.

С началом первой пятилетки, а особенно после провозглашения И.В. Сталиным «Великого перелома», развернулась целенаправленная кампания вытеснения частника из сферы торговли. Собственно линия на вытеснение частника была взята уже с середины 1920-х гг. По сравнению с данными середины 1920-х гг. доля частной торговли к концу десятилетия уменьшилась почти в 2 раза. Намечившиеся тенденции изменений в соотношении различных секторов в розничном товарообороте показывают данные по Сибирскому краю (табл. 1)

Хлебозаготовительные кампании в конце 1920-х гг., проводившиеся с применением чрезвычайных методов давления на крестьянство, показали кризис всей заготовительно-снабженческой системы в СССР и обозначили поворот от нэпа к административно управляемой экономике. Концентрация финансовых и иных ресурсов на проведении форсированной индустриализации, ликвидация рыночных механизмов в экономике, в том числе в снабжении на-

Т а б л и ц а 1

Доля секторов торговли в розничном товарообороте в Сибирском крае в 1923–1928 гг., %*

Сектор	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1928 г.
Государственный	7,0	10,0	15,5	14,4	21
Кооперативный	46,2	56,4	59,1	63,5	61
Частный	46,8	33,6	25,4	22,1	18

*Составлено по: Народное хозяйство Сибирского края. Новосибирск, 1926. С. 56; Советская Сибирь. 1930. 12 янв.

¹ Большевик (журнал Сибкрайкома ВКП(б)). 1927. № 8. С. 37.

² Статистика Сибири. Новосибирск, 1930. Вып. 2. С. 128.

селения, обусловили тотальный дефицит товаров повседневного спроса. На этом фоне в городах Сибири, как и по всей стране, возникли серьезные перебои со снабжением городского населения продуктами питания и другими товарами. Прежде всего, это проявилось в торговле хлебом.

Отражением сокращения запасов продовольствия стал постоянный дефицит, порождавший длинные очереди в магазинах. Стояние в очередях было в основном уделом женщин, но и значительная часть мужского работающего населения также была вынуждена после рабочего дня отстаивать новую вахту. В регулярных обзорах ОГПУ о настроениях городского населения Сибири в конце 1920-х гг. отмечалось, что долгие часы стояния в очередях вызывали у людей раздражение, неверие в политику и обещания советской власти и коммунистической партии.

Озлобление рабочих против коммунистов и высших слоев общества выливалось в разговорах во время стояния в очередях. Типичное высказывание приводится в сообщении осведомителя ОГПУ в Новосибирске: рабочий мыловаренного завода, обращаясь к людям в очереди, возмущался: «Рабочий дохни с голоду, стой в очередях, а почему ни одного спеца или коммуниста не видно в очереди. Видимо, им на дом привозят сколько угодно. Вот тебе и равноправие. Хорошей свободы добился себе рабочий»³.

В сводке представительства ОГПУ по Сибири за 1929 г., освещающей политические настроения на промышленных предприятиях, отмечалось, что среди рабочих идут разговоры об иллюзорности тех завоеваний, которые обещала революция, об усилении эксплуатации, измене правившей верхушки. Например, в Новосибирске агентами ОГПУ было зафиксировано более 40 антисоветских выступлений рабочих, вызванных перебоями со снабжением продовольствием, еще 23 случая были связаны с недовольством низкой зарплатой. По существу, это была одна и та же проблема – невозможность для работающего человека прокормить себя и свою семью. Всего в городе было зафиксировано 135 антисоветских выступлений, что отражало острое недовольство жителей своим материальным положением⁴.

В феврале 1929 г. в городах Сибири, как и в других городах СССР, вводится карточная система приобретения потребительских товаров: сначала хлеба, потом других продуктов, а затем и товаров промышленного производства. В течение 1929–1930 гг. практически все виды товаров массового спроса стали продаваться по карточкам. Система нормированного снабжения строилась в соответствии с принципами диктатуры пролетариата, отдавая приоритет рабочему классу и дискредитируя «социально чуждые элементы».

С введением карточной системы снабжения городского населения частная торговля была резко со-

кращена и постепенно вытеснена из розничного оборота. Так, в 1930 г. в снабжении промышленными товарами государственная и кооперативная торговля обеспечивала 95,2 % потребностей жителей Новосибирска, в обеспечении продуктами эта доля была несколько ниже – 66,6 %⁵.

В условиях дефицита быстрый рост цен в контролируемом государством секторе торговли, а тем более на неорганизованном рынке, стал неизбежен. По усредненным данным, приведенным в статистическом справочнике «Сибирский край», стоимость бюджетного набора для городской семьи (необходимого набора продуктов и других товаров) возросла к началу 1930 г. на 31,7 % по сравнению с началом 1927 г., в том числе по продуктам, рост составил 68,1 %⁶.

Профсоюзная статистика давала еще более печальную картину: цены на продовольствие к марту 1930 г. возросли по сравнению с мартом 1929 г. в государственной и кооперативной торговле в 2,5 раза, на частном рынке – в 3 раза. По данным Сибирского краевого совета профсоюзов, только за полгода, с октября 1929 г. по апрель 1930 г., стоимость бюджетного набора выросла с 24,18 до 31,51 руб., т.е. на треть⁷.

Нормированное распределение товаров породило сеть закрытых рабочих кооперативов-распределителей (ЗРК). Они создавались в первую очередь для обеспечения рабочих, а также всех работавших на государственных предприятиях. Однако первые опыты новой организации торговли выявили главный изъян всей системы ЗРК и нормированного распределения в целом: количество карточек и выданных продуктов и товаров слишком часто не совпадало с числом реально работающих на тех предприятиях, которые должны были обслуживаться соответствующим ЗРК. Во-первых, продолжали получать товары те, кто уже уволился с предприятий; во-вторых, злоупотребления и хищения дополняли путаницу и неразбериху с числом прикрепленных.

Для более гибкого учета экономических и политических условий, определявших дифференциацию снабжаемого населения, с 1931 г. была введена система списков (особый, №1, №2, №3 списки), куда включались все работающие. Распределение населения по спискам строилось по территориально-производственным и социальным критериям. В особый список включались рабочие и служащие важнейших предприятий истроек; в список №1 – рабочие особо тяжелого труда, ведущих индустриальных профессий, инженерно-технические специалисты и номенклатурные работники, командный состав РККА. В списки №2 и 3 вошли остальные индустриальные рабочие, рабочие мелкой и кустарной промышленности, служащие, не имевшие шансов на включение в особый и 1-й список. Приоритетность снабжения зависела от списка: в первую оче-

⁵ ГАНО. Ф. Р-627. Оп.1. Д. 605. Л. 18

³ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-22. Оп.3. Д. 69. Л. 89.

⁶ Сибирский край. Стат. справочник. Новосибирск, 1930. С. 386–387.

⁴ Там же.

⁷ ГАНО. Ф. Р-627. Оп.1. Д. 605. Л. 185.

редь должна была быть обеспечена выдача по карточкам по особому списку и списку №1.

Рабочие и служащие получали так называемые заборные (от глагола забрать) книжки на себя и на членов семьи, где на отдельных карточках отмечалось, сколько и каких продуктов предстоит им получить в данном месяце. При этом нормы снабжения для служащих устанавливались, как правило, на 50 % ниже, чем для рабочих.

Установленные нормы снабжения на бумаге выглядели не так уж плохо: так, рабочему в 1931 г. по нормам Наркомата снабжения полагалось 800 г хлеба в день, 4,4 кг мяса в месяц, 2,5 кг рыбы, 400 г масла, 1 кг муки и 3 кг крупы, 10 шт. яиц, 1,5 кг сахара [11, с. 23].

Однако в действительности эти нормы редко выполнялись. Поступавших товаров, как правило, было недостаточно для всех, имевших карточки, поэтому ожидание в очередях, сокращение норм выдачи, просроченные, но неотоваренные карточки были постоянными спутниками нормированного снабжения. По данным опросов потребителей и по сведениям Наркомата снабжения РСФСР, выдачи по карточкам обеспечивали лишь от трети до половины действительных потребностей [12, с. 90].

В 1932 г. была предпринята реорганизация всей системы распределения. На крупных предприятиях были организованы собственные отделы рабочего снабжения (ОРСы), в районах города создавались управления рабочего снабжения (УРСы).

В условиях нормированного распределения товаров торговля теряла свои естественные функции: из инструмента отслеживания спроса и предложения, удовлетворения основных потребностей жителей города она превращалась в канал административной системы распределения, с помощью которой государство регулировало, кому и сколько дать, кого хорошо подкормить, а кого обречь на голодные муки. Именно в таких условиях утвердился стиль работы советских магазинов с их невниманием к покупателю, высокомерием продавцов, распоряжавшихся дефицитными товарами. Главным аргументом продавцов в общении с покупателями стал знаменитый девиз «Берите, что дают, а то и этого не будет».

Снижению качества обслуживания покупателей способствовал и возрастающий монополизм государственной торговли: ее удельный вес в товарообороте городов Западно-Сибирского края с 33,9 % в 1928/29 гг. возрос до 80,6 % в 1934 г., в то время как удельный вес кооперативной торговли сократился за эти годы с 54,4 до 19,4%.⁸

Городское население в своих покупках ограничивалось в основном товарами, необходимыми для скудного поддержания жизни. Это отражалось и в структуре розничного товарооборота, которая страдала явными перекосами. Так, в 1933–1937 гг. основную долю розничного товарооборота в городах Западной

Сибири составляли покупки продовольствия – 56–60%, в том числе покупки хлеба – 5–6 %, муки – 2–3, мяса – 3–4, молочных продуктов – 1,5–2, остальных видов продуктов – в среднем по 1 %⁹.

Данные о розничном товарообороте характеризуют структуру питания и потребления населения: как видно, основной продукт питания – это хлеб, покупки мясных и молочных продуктов составляли меньшую долю. Тяготы жизни сибиряки могли несколько подсластить кондитерскими товарами, правда, из них большую часть составили хлебобулочные изделия, которые занимали 6–7 %, сахар – 2–3 %.

К числу продуктов питания статистика относила и алкогольные напитки, занимавшие довольно значительную долю в товарообороте: хлебное вино (так обозначали тогда водку) – 13–14 %, другие алкогольные напитки – 4–5 %. Таким образом, около 1/5 всего товарооборота, или 1/3 продовольственных покупок, составляло потребление алкоголя, которое, безусловно, не лучшим образом влияло на здоровье и качество жизни сибирских жителей.

Среди покупок промышленных товаров, составлявших 40–44 % розничного товарооборота, преобладали покупки готового платья – 8–10 % от общего розничного товарооборота, обувь – 4, галантерейные товары – 4, трикотаж – 2, хлопчатобумажные ткани – 2, другие виды тканей – 2,5; мебель – 0,5 %, покупка культтоваров, куда помимо книг, предметов искусства, включались и школьные принадлежности, составляла 4 % от общего розничного товарооборота. В то же время табачные изделия, помимо негативного влияния на здоровье, отнимали еще около 3,5 % всех средств, потраченных на покупку товаров населением¹⁰. При этом надо подчеркнуть, что большинство товаров продавались по карточкам населению, которое, не имея права выбора, быстро разбирало поступившие в магазины товары. К тому же уровень доходов средней семьи не позволял приобретать продукты и другие потребительские товары, не оглядываясь на цены. Поэтому покупки вне системы нормированного снабжения, например на рынке, делались только в крайнем случае.

Таким образом, проблемы обеспечения повседневного существования превращались для жителей сибирских городов в трудноразрешимую задачу. О низком уровне и качестве жизни городской семьи свидетельствуют и данные потребительских бюджетов. В конце 1920-х гг. в структуре расходов городской семьи в Сибири около половины занимали расходы на питание; на одежду и обувь тратилось примерно 15–20 %, на мебель и другие хозяйственные покупки – около 4 %, квартира и другие коммунальные расходы требовали около 10 %¹¹. В 1930-е гг. доля расходов на

⁹ Итоги хозяйственного и культурного строительства Новосибирской области за второе пятилетие. Новосибирск, 1939. С. 93.

¹⁰ Итоги хозяйственного и культурного строительства Новосибирской области... С. 94.

¹¹ Бюджеты городского населения Сибири за 1928/29 и 1929/30 гг. Новосибирск, 1931. С. 172–173.

⁸ ГАНО. Ф. П-3. Оп.7. Д. 599. Л. 24.

Т а б л и ц а 2

Уровень цен на рынках городов Сибири в 1932–1934 гг. (руб. за кг)

Продукт	1932 г.	1933 г.	1934 г.
Мясо говядина	7,7	17,6	9,8
Мясо свинина	14,0	21,0	13,5
Картофель	0,74	1,14	0,35
Мука пшеничная	5,37	7,12	5,8
Масло сливочное	19,9	29,8	20,0
Молоко, л	1,65	2,30	1,5
Яйцо, десяток	6,5	8,4	5,7

*Составлено по: ГАНО. Ф. П-3. Оп.7. Д. 599. Л. 30.

питание еще выросла. В условиях тотального дефицита государство засекретило и перестало публиковать данные о бюджетах населения, но, судя по архивным материалам, на питание приходилось до 60–70 % всех расходов городской семьи¹². Подобная структура расходной части бюджета семьи складывается при крайне низком уровне жизни.

Снабжение по карточкам стало совсем уж скудным, когда в стране возникли экстремальные условия неурожая. Голод 1933 г., охвативший южные регионы страны, косвенным образом отразился и на положении населения Сибири, хотя не в столь жесткой форме. Выдача по карточкам продуктов стала крайне нерегулярной, купить же продукты на рынке рабочим и служащим часто было не по карману: цены резко пошли вверх. Даже в обзорах положения населения, составленных партийными органами Сибири, отмечалось, что большинство жителей городов не может покупать продукты по тем ценам, которые сложились на рынке¹³.

Данные о ценах на рынках крупнейших городов Сибири – Новосибирска, Томска, Омска, Сталинска и Кемерова – показывают, что и без того высокий уровень цен в тяжелых условиях 1933 г. сделал базар практически недоступным для большей части населения (табл. 2)

Контроль государства над ценами и товарными ресурсами породил специфическую форму советской торговли: так называемые коммерческие магазины, а также магазины Торгсина (торговля с иностранцами). Продажа товаров в них по высоким ценам (в 2–3 раза выше обычных) приносила государству дополнительный доход.

По существу, организация коммерческих магазинов была лишь скрытой формой повышения цен, так как в основном в них продавались не какие-то деликатесы или предметы роскоши, а по существу те же товары, что и в обычных магазинах. Так, в 1934 г. из 479,8 млн руб., полученных в «коммерческой» торгов-

ле городов Западной Сибири, 248,5 млн руб., т.е. более половины, было выручено от продажи хлеба. Видимо, даже семьи рабочих и служащих, включенные в систему нормированного распределения, которые не дождались выдачи по карточкам или же нуждались в дополнительных объемах продовольствия, вынуждены были покупать хлеб в коммерческих магазинах.

Используя этот прием, государство, по существу, искусственно создавало возможности для дополнительного ограничения уровня жизни населения, так как уровень зарплаты рабочих и служащих все же был привязан к ценам, существовавшим в системе нормированного снабжения. Доля коммерческой торговли в общем розничном товарообороте городов Западной Сибири с 7,9 % в 1932 г. повысилась до 22,9 % в 1933 г. и 36,6 % в 1934 г., при этом в продаже промышленных товаров в 1934 г. она составляла 53 %¹⁴.

Разные цены на одни и те же товары, сложная система различных категорий карточек, общая атмосфера ажиотажного спроса и дефицита – все это порождало массу злоупотреблений, воровство и мошенничество. Постоянные чистки и проверки, к которым были подключены и сами рабочие, организованные в лавочные комиссии профсоюзов, давали весьма слабый эффект.

Особый контроль был установлен за распределением самого важного для тех условий продукта – хлеба. Этим вопросом занимались все инстанции – от государственных до общественных, включая комиссии партийного контроля. В специальном постановлении от 3 февраля 1932 г. новосибирский горком ВКП(б) принял решение ужесточить всю систему контроля за приходом и расходом хлеба, а также предписал провести показательные судебные процессы по фактам хищений и мошенничества при торговле хлебом¹⁵.

Постоянно обсуждаемой проблемой являлись махинации с числом прикрепленных к нормированному снабжению, переводом из низшей категории снабжения в более высокую и т.п. Правительством СССР и ЦК ВКП(б) вынуждены были неоднократно принимать специальные постановления по этому поводу, объ-

¹² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5451. Оп.19. Д. 401. Л. 23–26; ГАКО. Ф. 12. Оп.1. Д. 32. Л. 13–16; Д. 75. Л. 265.

¹³ ГАНО. Ф. П-3. Оп.7. Д. 599. Л. 394.

¹⁴ ГАНО. Ф. П-3. Оп.7. Д. 599. Л. 26.

¹⁵ Там же. Ф. П-22. Оп.1. Д. 48. Л. 51.

являя чистку контингента снабжаемых в масштабе страны. Такая чистка, например, развернулась в декабре 1932 г., в результате значительная часть «мертвых душ» или незаконно попавших не в ту категорию была исключена из контингента снабжаемых. Специальное постановление Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) от 4 декабря 1933 г. «О работе ОРСов» стало сигналом к очередной перетряске рядов снабжаемых. И вновь были выявлены серьезные нарушения¹⁶.

Постоянной темой советского делопроизводства, заседаний партийных органов в 1930-х гг. являлось прикрепление работника к системе снабжения и определение категории снабжаемого. Бывший партработник Левобережной ГРЭС Новосибирска А. Бальбур, исключенный из партии в ходе чистки 1935 г., обратился в партком с заявлением, в котором, описывая бедственное положение своей семьи, просил восстановить его в рядах партии, простодушно мотивируя свою просьбу тем, что «вне рядов партии (а точнее – без спецраспределителя. – В.И.) мне материально будет трудно жить»¹⁷.

Как высоко ценилась в те годы возможность принадлежать к привилегированной системе снабжения, можно понять на примере такого решения. В знак сочувствия и в целях оказания помощи семье умершего в 1933 г. сотрудника Новосибирского горкома ВКП(б) Хапинского ей было разрешено специальным постановлением бюро горкома в течение трех месяцев пользоваться столовой и спецраспределителем продуктов и товаров¹⁸.

Система выдачи некоторым категориям населения добавки к установленным нормам применялась и по отношению к рабочим, но им дополнительный паек нужно было заработать. Ударникам, перевыполнившим нормы выработки, выдавались сверх установленных по карточкам норм продукты и другие товары. Так, в 1932/33 г. ударник мог дополнительно получить 2 кг мяса, 1,5 кг рыбы, 0,5 кг масла в месяц и некоторые другие продукты. Для ударников в столовых отводились специальные столы, где кормили лучше, в магазинах создавали специальные отделы или полки ударника¹⁹. Правда, в условиях дефицита все это могло означать, что другие рабочие могли не дожидаться положенного им по карточкам. Да и самим ударникам реально доставалось явно меньше, чем фигурировало в отчетах.

В целом сложившееся положение с обеспечением населения товарами массового спроса необходимо было менять, так как оно подрывало денежный оборот, нормальное развитие экономики. В годы второй пятилетки производству товаров массового спроса стало уделяться повышенное внимание. Во второй половине 1934 г., благодаря некоторой стабилизации сельскохозяйственного производства, положение с продоволь-

ствием несколько улучшилось. Руководство страны приняло решение с 1 января 1935 г. перейти к свободной продаже хлеба. С 1 октября 1935 г. одновременно со снижением цены на хлеб была разрешена свободная продажа мяса, рыбы, сахара, жиров и картофеля. В течение 1936 г. постепенно были отменены карточки и на промышленные товары [13, с. 448–450, 476].

С отменой карточной системы начался постепенный переход к нормальной торговле. Магазины коммерческой торговли и обычной торговой сети были объединены в единую систему, при этом цены на товары устанавливались примерно на середине прежней разницы.

К концу второй пятилетки положение со снабжением населения товарами повседневного спроса улучшилось. О росте производства товаров массового потребления свидетельствуют данные по Западно-Сибирскому краю: в 1928 г. таких товаров было произведено на сумму 43,66 млн руб., в 1932 г. – на 266,6 млн руб., а в 1936 – уже на сумму более 544 млн руб.²⁰.

Об улучшении снабжения свидетельствует, например, сумма, которую тратил за год житель Новосибирска на покупку товаров в торговой сети: она выросла до 959,5 руб. в 1937 г. по сравнению с 351,3 руб. в 1932 г.²¹. Правда, при этом нельзя забывать и о росте цен, который существенно повлиял на этот показатель.

Отмена карточной системы еще не означала, что проблемы со снабжением горожан были решены. Те или иные формы нормированного снабжения продолжали сохраняться, довольно часто возникал дефицит каких-либо товаров. Нормального обеспечения всех потребностей по-прежнему не было, хотя после мытарств покупателей в условиях карточной системы положение могло казаться жителям гораздо лучшим.

Подводя итоги, следует отметить, что в исследуемый период городское население Сибири жило в условиях скудного обеспечения своих жизненных потребностей. Существовавшая система снабжения с трудом обеспечивала удовлетворение минимума потребностей населения городов Сибири. Структура розничного товарооборота наряду со структурой потребительских бюджетов красноречиво свидетельствует о том, что уровень жизни населения был крайне низок. Кроме того, значительная часть свободного времени и сил горожан тратилась на стояние в очередях, покупка товаров превратилась в борьбу за добывание пищи, одежды или других необходимых вещей.

Карточная система снабжения стала ярким выражением сущности социалистического распределения. Даже с ее отменой в обеспечении жителей города необходимыми товарами продолжали действовать те же принципы: сосредоточение всех товарных ресурсов в централизованном управлении государственных органов, выделение приоритетных в снабжении групп

¹⁶ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 7. Д. 595. Л. 55–75.

¹⁷ Там же. Ф. П-22. Оп. 10. Д. 98. Л. 28.

¹⁸ Там же. Оп. 7. Д. 67. Л. 204.

¹⁹ Там же. Ф. П-3. Оп. 7. Д. 608. Л. 43.

²⁰ Коммунист (журнал Западно-Сибирского крайкома ВКП(б)). 1936. № 13–14. С. 57.

²¹ Итоги хозяйственного и культурного строительства Новосибирской области... С. 120.

населения, жесткое регулирование зарплаты и покупательной способности населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маеѵр В.Ф. Уровень жизни населения СССР. М.: Мысль, 1977. 263 с.
2. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917–1963). М.: Мысль, 1964. 439 с.
3. Handbuch der Geschichte Russlands. G. Schramm (Hg). Stuttgart, 1992. Bd. 3: Von den autokratischen Reformen zum Sowjetstaat (1856–1945)
4. Meyer G. Sozialstruktur sowjetischer Industriearbeiter Ende der zwanziger Jahre. Marburg, 1981.
5. Obertreis J. Traenen des Sozialismus. Wohnen in Leningrad zwischen Alltag und Utopie. 1917–1937. Koeln; Weimar; Wien. 2004. 456 S.
6. Schroder H. Industrialisierung und Parteiburokratie in der Sowjetunion. Ein sozialgeschichtliche Versuch über die Anfangsphase des Stalinismus. 1928–1934. Berlin, 1988.
7. Weissenburger U. Die Entwicklung von Realeinkommen und materieller Lage der Arbeiter und Angestellten in der Periode der Vorkriegsfunfjahrplane. 1928/29–1941. Bremen, 1980.
8. Иванов Ю.М. В сталинском «раю». М.: Карпов, 2005. 115 с.
9. Нефедов С.А. Уровень жизни в сталинскую эпоху: питание уральцев. // Известия Урал. федерал. ун-та. Серия 2: Гуманитарные науки. №2 (102). С. 222–230.
10. Коровин Н.Р. Рабочий класс России в 1930-е годы. Иваново: ИвГУ, 1994. 149 с.
11. Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935. М.: Изд-во МГОУ, 1993. 144 с.
12. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». М.: РОССПЭН, 2008. 351 с.
13. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 2. 888 с.

REFERENCES

1. Maier V. F. The standard of living of the USSR population. Moscow, Mysl', 1977, 263 p. (In Russ.)
2. Malafeev A. N. History of pricing in the USSR (1917–1963). Moscow, Mysl', 1964, 439 p. (In Russ.)
3. Schramm G. (ed). Handbook of the history of Russia. Stuttgart, 1992, vol. 3: From autocratic reforms to the Soviet state (1856–1945), XII, 1004 p. (In Germ.)
4. Meyer G. The social structure of Soviet industrial workers in the late twenties. Marburg, 1981, 193 p. (In Germ.)
5. Obertreis J. Tears of socialism. Living in Leningrad between everyday life and utopia. 1917–1937. Cologne, Weimar, Vienna. 2004, 456 p. (In Germ.)
6. Schroder H. Industrialization and party bureaucracy in the Soviet Union. Attempt at writing a social history of the initial phase of Stalinism. 1928–1934. Berlin, 1988, 940 p. (In Germ.)
7. Weissenburger U. The development of real income and material situation of workers and employees in the pre-war year period. 1928/29–1941. Bremen, 1980. (In Germ.)
8. Ivanov Yu. M. In Stalin's "paradise". Moscow, Karpov, 2005, 115 p. (In Russ.)
9. Nefedov S. A. The standard of living in the Stalin era: food of the Ural people. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*, 2012, no. 2, pp. 222–230. (In Russ.)
10. Korovin N. P. The Working Class of Russia in the 1930s. Ivanovo, IvGU, 1994, 149 p. (In Russ.)
11. Osokina E. A. The hierarchy of consumption. On the population life under conditions of Stalin's supply. 1928–1935. Moscow, MGOU, 1993, 144 p. (In Russ.)
12. Osokina E. A. Behind the facade of "Stalin's abundance". Moscow, ROSSPEN, 2008, 351 p. (In Russ.)
13. Directives of the CPSU and the Soviet government on economic issues. Moscow, 1957, vol. 2, 888 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 27.04.2019